

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ
ЛЮДМИЛА ОСАДЧАЯ

Мироздания... неконченное дело

Владимир Леонов

Мироздания... неконченное дело

«Издательские решения»

Леонов В.

Мироздания... неконченное дело / В. Леонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748359-3

Нравственно-патриотический проект «Успешная Россия» включает в себя тему «Колумбы русской литературы». Книга о русских поэтах и писателях, которые обжигали Истиной каждое слово, носили «...Родину в душе» и «умирая в рабский век — бессмертием венчаны в свободном». О художниках, которых всегда волновали Русская Земля и Русский Человек. И которые вмещали в своем сознании все умонастроение Великого народа. И выражали это в произведениях-потрясениях, книгах-пробуждениях, книгах пророческих.

ISBN 978-5-44-748359-3

© Леонов В.
© Издательские решения

Содержание

Державин Георгий Романович	6
Грибоедов Александр Сергеевич	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мироздания... неконченное дело

Владимир Леонов

Людмила Осадчая

© Владимир Леонов, 2016

© Людмила Осадчая, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К Читателю

Нравственно – патриотический проект «Успешная Россия» включает в себя тему «Колумбы русской литературы».

Книга о русских поэтах и писателях, которые обжигали Истиной каждое слово, носили «...Родицу в душе» и «умирая в рабский век – бессмертием венчаны в свободном».

О художниках, которых всегда волновали Русская Земля и Русский Человек.

И которые воспринимали и вмещали в своем сознании далекую древность и современность России, все поведение и умястроение Великого народа.

И выражали это в произведениях – потрясениях, книгах – пробуждениях, книгах пророческих. В книгах гневных и скорбных, и одновременно наполненных светлой стихией веры в нетленную мощь русского уклада и русского характера.

Державин Георгий Романович (1743—1816)

Картежник, буян, мот и повеса:

«бранился с царями и не мог ни с кем ужиться»

Георгий Державин – прямая декларация нового социального бытия Россия во всех коллизиях и парадоксах, самое яркое выражение екатерининского дворянского времени.

«Портрет» мелкопоместного безликого *«множества»*, выходца из *«низкой доли»*, получившего скудное пономарское образование, проникающего через головы вельмож на самые верхи империи, в царский дворец, подножию трона: губернатор, секретарь Екатерины II, *«стул сенатора Российской империи»*, государственный казначей, *«кресло министра юстиции»*.

Бедный служилый дворянин, живший в казарме со «сдаточными» солдатами из крестьян, наравне с ними в течение 10 лет выполнявший самую черную работу. Вместе с полком участвовал в свержении власти Петра III и возведении на трон Екатерины II.

С беззаветной преданностью и волевым характером выдвинулся в первые ряды, сделался главным «камнем» екатерининского государственного переворота и незаконного прихода к власти.

И в дальнейшем всем своим самодержавным возвышением Екатерина была обязана поддержке со стороны дворянской «взвеси» (Державин —ее резюме), оттеснившей от кормила родовитую знать («мишурных царей) своей *неслыханной дерзостью* и *«ума палатой»*.

Отсюда рельефная «дантоновская» патетика независимости, «вольтеровский» пафос личного самоуважения и артезианская неисчерпаемость «добродетельного мужа» – готовность без страха и сомнения *«служить своим пером короне и ее орлам»*.

В него воедино устремились все ручьи и потоки дворцовых переворотов, пугачевщины, временщиков, «добродетельные» черты и поступки Фелицы (Екатерины) на фоне праздной и тщеславной роскоши ее «мурз», «пашей» (сановников).

Он есть и вельможный строптивец, с резким, неуживчивым характером, осмелившийся царствующей особе говорить правду, сквернословить в ее присутствии (*«бранится с царями и не может ни с кем ужиться»*), и потакающий своим чувственным вожделениям: кабаки, игорные дома, карточные игры, ночные распутства, «красотки».

Он и старая, патриархальная Русь, и величественная имперская Россия; он и грубый, с отсутствием всякой меры, до физиологической обнаженности простой мужик, и пышно обласканный, усыпанный множеством благ и звезд хитрый, пронырливый и изворотливый царедворец – **по одному узнают всех** (лат.).

И вместе с тем, вся жизнь Державина отражает специфическую социальную особенность «державного» правления Екатерины II – быстрое приближение к царскому трону и резкое падение.

Член секретной следственной комиссии по делу о пугачевском бунте и едва ли не был повешен вместе с Пугачевым.

Олонецкое губернаторство Державина закончилось отставкой и преданием суду.

Скоро уволила и императрица с должности секретаря: *«не только грубил при докладах, но и бранился»*.

Павел подверг опале за *«непристойные ответы»*.

Александр I – за то, что *«он слишком ревностно служил»* уволил его от всех дел и отправил на покой в новгородскую деревню.

Во всей биографии Державина читалась двойственность, противоречивость, так свойственная Державину – царедворцу («поэту царей») и Державину – «отцу русских поэтов» (Белинский): неуклонная приверженность к «правде» всегда и во всем («я тем стал бесполезен, что горяч и в правде черт») и стихи как орудие подъема к самому подножию трона, вратам «сладкой» жизни, которые писались им на «случай», с «намерением», с «отношением» к лицам или обстоятельствам того времени («Екатерина и другие особы, для которых он преимущественно писал, понимали все это и умели ценить»).

Религиозная ода «Бог» была воспринята Екатериной как пламенная апология самодержавия и она щедро наградила своего «собственного автора» (Державин подписывал свои письма – «ее величество собственный автор») – назначает олонекским губернатором.

Одой «Фелица» Державин прославляет правление Екатерины, результат – императрица пожаловала вельможе табакерку, усыпанную бриллиантами, и 500 червонцев.

После отставки от губернаторства спасает себя от суда и возвращает себя к двору новой одой, посвященной Екатерине – «Изображение Фелицы».

Одой, воспевающей восшествие Павла I на престол, возвращает «благоволение» пятого императора России.

Молодой Державин начинает свою литературную деятельность любовными «анакреонтическими песнями» (Анакреонт – греч. лирик, воспевал мирские наслаждения) и непристойными «площадными побасенками» в духе военной казармы.

Однако неистовое стремление к дворянскому бытию, к дворцовой роскоши заставляет его создать «высокий штиль» хвалебных од. Стать российским Пиндаром (греч. поэт), сочинителем похвальных стихов в изысканной торжественной величавости.

Именно такой явилась ода 1773 г. «На бракосочетание великого князя Павла Петровича». Придворная хвалебная песнь – «витийствующая», «напыщенная», «надутая» с языком отвлеченно – торжественным, книжно – славянским. «Языком богов» – велелепия и пышности.

Но Державин не был бы центральным местом, опорой екатерининского трона, если бы он не осознавал свой самобытный творческий путь, не ощущал, по собственному признанию, «несоответствие» торжественной речи дворца «дару автора».

Жизнь возле российского престола – для Державина не отдаленный Олимп с богами и богинями, а живая реальность. И сам он – представитель тех дворян, которые рвутся к основанию трона, к верхам. Поэтому он стремится наполнить свой стих конкретным жизненным содержанием, сделать арену деятельности личностей, из которых одних должно хвалить, других – всячески порицать и осмеивать.

Оды Державина содержат радугу живых характеров и лиц с одной стороны, а с другой – имеют налет ироничности, а зачастую и прямо сатирический «бичующий» привкус.

Державин разрушает иерархию «высоких штилей», упрощает лексику своих од, вводя в них слова из разговорной речи простолюдин. Язык громоздких и неуклюжих патетических фраз он смешивает с грубоватым, но метким говором дворянского мелкопоместья и гвардейской казармы.

И такая литературная магистральная тенденция проявилась у Державина в стихотворении 1779 «На рождение на севере порфиородного отрока» (будущего Александра I). Поэт вначале воспевает это событие «в ломоносовском вкусе», торжественно хвалебном, а затем, отшвырнув «свой дар автора», отошел от набора отвлеченных красивых слов, облакает данный сюжет в легкий игривый и такой притягательный мир «анакреонтической песни»: мир простых наслаждений, любви, утех.

Хотев парить, Державин избирает свой путь. Полноценное свое выражение этот «путь Державина» нашел свое выражение в оде «Фелица» (Фелица, Фелицитас – лат. «счастье» – римская богиня успеха и счастья).

Все многообразие и своеобразие «Фелицы» заключается в том, что хвалебная ода сочетается с резким политическим памфлетом, обличением. Образ «Добра» Фелицы —Екатерины – в противовес остросатирическим образам высшей придворной знати, погрязшей в алчности и корысти.

Образ Екатерины – смело импрессионистский, донельзя демократический: образ «простоты», усердия и трудолюбия, даровитости и деловитости. Черты как раз свойственные тому страту, слою обездоленного, но трудового дворянства, из гнездовья которого «выпорхнул» сам поэт.

Отношение Державина к «Фелице» – почтительное, почти как к божеству. Однако не лишено в то же время некоторой шутовскости, почти фамильярности. Тем самым поэт как бы невзначай, в неочевидном ключе, подчеркивает свое равенство с владычицей. Привлекал и «забавный слог» оды – взятая из просторечья, бытового обихода легкая и простая разговорная речь.

«Фелица» – второй переворот эпохи Екатерины (первый – свержение Петра III), настоящий «блокадный прорыв» нового художественного дарования и основной литературной тенденции эпохи.

Екатерина щедро наградила «воспевателя дел ее» и сделала это, по ее выражению, «исподтишка», «украдкой от придворных лиц», высмеянных Державиным и «поднявшим на него гонение».

«Фелица» послужила мощным толчком к изданию при непосредственном участии императрицы журнала «**Собеседник любителей российского слова**», имевшего целью содействовать дальнейшим успехам русского языка и литературы. Первый номер «Собеседника» открылся «Фелицей, явившейся прямым манифестом умной, твердой и крепкой монаршей власти.

Воспевание Екатерины является масштабной темой поэзии Державина, и не случайно поэту было дано прозвище, эпиклеса, «певца Фелицы».

Вторая тема творчества Державина – тема беспощадной иронии, едва ли не прямой ненависти, к старой родовитой знати, находившейся у трона не по праву ума, а по прихоти судьбы, по праву своего происхождения. В бытность министром юстиции он подал записку Сенату, в которой писал:» *Порода есть только путь к преимуществам; запечатлевается же благородное происхождение воспитанием и заслугою*».

Он в своих одах выступает грозным и беспощадным «бичом вельмож» (Пушкино Державине). Предельная резкость и сила «бичующего» голоса Державина проявляется в таких выражениях: «жалкие полубоги», «истуканы на троне», «блещущий металлом болван», «позлащенная грязь», «останется ослом, хоть осыпь его звездами» (оды «Вельможа», «Властителям и судиям»).

«Боярским сынам», «дмящимся пышным древом предков дальних», Державин противопоставляет в своих сатирических одах истинную «подпору царства», «российское множество дворян», которое во время пугачевщины «спасло от расхищения» империю, «утвердило монаршу власть», а ныне «талантом, знаньем и умом» «дает примеры обществу», «пером, мечом, трудом, жезлом» служит его «пользе».

Для Екатерины борьба Державина с «боярами» было частным выражением в борьбе различных слоев современного ей дворянства за влияние на нее. Занимала она вообще неопре-

деленную позицию, но чаще всего становилась на сторону вельмож,» бояр. Державин писал: «...она при всех гонениях сильных и многих неприятелей не лишала его своего покровительства и не давала, так сказать, задушить его; однако же и не давала торжествовать явно над ними оглаской его справедливости или особливою какою – либо доверенностью, которую она к прочим оказывала».

Под воздействием этих обстоятельств образ Екатерины в творчестве Державина постепенно стал меняться.

Присяжный «певец Фелицы» (императрицы Екатерины II), создавший в своих стихах богоподобный образ монархини, завесивший его хвалебными одами, навлекший на себя гнев императрицы и обвинение в том, что он пишет *якобинские стихи* (ода *Властителям и судьям*, ода *На взятие Варшавы*), пошел по пути развенчания своего высокого прежнего идеала, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями.

По мере ухода из творчества Державина образа Екатерины на его место выходят образы великих вождей и полководцев того времени: Репнина, Румянцева, Суворова, Потемкина, Ушакова.

Посвящая им свои строки, Державин лепит очертания подлинного главного Победителя России – сказочного *вихря – богатыря, твердокаменного росса* – всего русского народа (примечание самого Державина к оде *На взятие Измаила*).

Военные начинания и победы русского дворянства второй половины XVIII в. находят в Державине своего самого восторженного *баяна*, создателя *победных од*, поэтики *громозвучной*. Торжественно приподнятая тональность, патетика военного слова и боевой трубы, мощь образов, метафор и аллегорий – все это составляет глубину и вселенский размах *победных од*.

По поводу одной из первых таких од Екатерина сказала Державину: *Я не знала по сие время, что труба ваша столь же громка, как лира приятна»*.

Державин предстает перед нами по – римски напыщенным и помпезным, по – библейски величественным и громогласным, и по – детски неуклюжимым и причудливым. Эта органическая замесь торчит из него с яркой разностильностью и грубой цветистостью как нечто личное и естественное.

Счастливый богач, он не светский человек: не посещает салоны, балы, не толпится в «передней» временщиков.

Он не паркетный щеголь и шаркун.

Он не участник альковных интриг светских дам, он не пишет им изящные письма, не щебечет и не заливается дворцовым соловьем, он груб и непристоен порой.

В нем нечастые мифологические имена, но в нем вся разномасть словаря и синтаксиса люда простецкого.

Он само неистовство, весь радость и героизм, он ликует по случаю русских побед, как ветхозаветный Исайя, он весь плотское наслаждение с отсутствием меры, как Соломон в «Песни песней», он как Иеремия, обличает и проклинает пороки самодержавия.

Гоголь как – то сказал, что *русская поэзия по выходе из церкви оказалась вдруг на балу*. Это правильно, но с поправкой, что после церкви и перед балом был русский *Прометей* Державин.

До него на Руси главным образом была религиозно – церковная литература: апокрифы, жития святых, духовные песни. Державин, в сущности», альфа русской поэзии. То есть бык (семит. «альфа» – бык), который начал пахать новые плодоносящие земли.

Николай Гоголь писал, что поэты России *«сделали добро уже тем, что разнесли благозвучие, дотоле небывалое... Поэзия наша пробовала все аккорды»*. По образному выражению Гоголя, предисловием русской поэзии выступил Ломоносов.

Да, Ломоносов нашупал первые тропки. А верстовую дорогу русской поэзии начал прокладывать Державин. Метафора Белинского как посланница Неба, как голубь с оливкой веткой – он назвал Державина *«отцом русских поэтов»*.

Действительно, стих Гавриила Романовича – прямодушный, простодушный и вместе с тем важный, ворчливый, гневливый, как и подобает отцу.

Его стих пересыпан мужицкими ядреными словечками, простонародными бытовыми картинками, причитаниями и жалобами человека, пожелавшего быть самим собой, как бы трудно это не было.

Строки поэта порой «нехороши», «не грациозны», они как – то корявы и неуклюжи; они неловки, не в такт изяществу, они чертыхаются, хохочут, бранятся и плюются; но какие дерзкие, за гранью чистого вкуса, отчаянные образы и сравнения, но какие взлеты и полеты мысли за пределы «благовоспитанности».

Сколько парадоксального у Державина! «Надгробные там воют лики...», то есть воют лица.

Корифей французской литературы Стендаль как – то писал: *«Я люблю дурное общество, где встретишь больше непредвиденного...»*.

Державин – сама неукротимость жизни, ничем не сдерживаемая и не ограниченная страсть к радостям жизни, такая здоровая и такая сильная страсть: здесь и примитивный восторг при виде блюд на столе, и возможности всхрапнуть после обеда, и умиление от послушности слуг («не могут идохнуть»), и библейский пафос справедливости («Властителям и судьям»), и трогательно глубокий монолог о вечности (ода «Бог»).

Державин жаждал воинских подвигов и парадов, любви и трепетных ощущений. Он любил жизнь во всей громкой славе российской государственности, с викториями отечественного оружия, с величием русских героев.

Он реально писал «о доблестях, о подвигах, о славе». Писал о том, что хочет действительная жизнь и писал потому, что любил фонтаны жизни, любил то, о чем Блок *«забывал на горестной земле»*.

Он по – настоящему заслужил право об этом писать. Потому что испил чашу горестной жизни сполна.

С девятнадцати лет —казарма, солдат черновой работы; только через десять лет он получил первый офицерский чин. Десять лет мучительной солдатской судьбы: муштра, походы, изнуряющая дисциплина. Солдатская служба «поставила» ему вкус к жизни, к ее конкретным радостям, заложила динамит бурлящего характера: сильного духа и крепкой веры в себя.

Образом солдатского служения России выступает Георгий Державин

«И дым Отечества нам сладок и приятен»

А. Грибоедов

Взгляд Георгия Державина на мир был прост и прям. Подчинялся единственной для него верной мысли, старой, как сам мир:» Дух веет, где хочет».

Он конкретное земное создание, он бык, который нагнув упругую шею, всегда лезет на острие рапиры – на то, что восхищает величием, на то, что глубинно, сильно, могущественно, предельно обостренно.

Искренний державинский восторг, протуберанец радужных эмоций и фонтана чувств перед военной государственной мощью нации:

*«Услышь, услышь, о ты вселенная!
Победу смертных выше сил;
Внимай, Европа, удивленна,
Каков сей россов подвиг был.
Языки знайте, вразумляйтесь,
В надменных мыслях содрогайтесь;
Уверьте сим, что с нами Бог»*

Этот державный голос, этот пафос государственности глубоко усвоит потом Пушкин.

Великое для поэта Державина достоинство – быть предельно откровенным, не скрывать своего простодушья, своей искренности и своей удивительности – мир скупен только для скучных людей

«Я любил чистосердечье» – признавался Гаврила Романович. И вовлекал сердце в органическую область совести, непреходящей жизненной ценности: важно не место, а независимость Духа

Заявлял всенародно:» *Не умел я притворяться, на святого походить»*. Давая нам, современником, право прочесть его лиру в дерзком ключе, всеядной ассоциативной образной призме:

«Изменник перед Христом, он неверен и Сатане»

Он таким и вошел в простонародную память, простодушный в своих достоинствах и пороках: самодовольный, грубый, лукаво – лстивый, капризно – жеманный, плотоядный, биологически чувственный.

Он как бы говорил: *«Я вот такой, какой есть, я не стесняюсь самого себя, я естественен, бери меня таким, каким я есть»*.

Он не хотел быть бесенком, пусть и «золотушным».

Не хотел быть мелким и извиваться, путаться под ногами. В мутной стихии всеобщего идолопоклонства, он – бес. Одаренный, бесстрашный, волевой.

Жизнь для него была палладиумом его души, оазисом его сердца, к которому он непрерывно направлял, словно по легендарному шелковому пути, караваны мыслей, чувств и настроений. Мудрец сказал однажды:» *Мы легко прощаем другим их недостатки, ибо это наши недостатки»*

Державин порой любовался своей непристойностью, смаковал ее как предмет гастрономии, как пищу, грубочувственно:

«А ныне пятьдесят мне было... прекрасный пол меня лишь бесит... Амур едва вспорхнет и нос повесит».

Лукавый секретарь Екатерины, грозный губернатор, слащавый сенатор, надменный министр и одновременно патриарх, окруженный многочисленными чадами и домочадцами, стадами и овинами.

А вот он властный вельможа, заставляющий ждать в приемной:

*«...жаждут слова моего:
А я всех мимо по паркету
Бегу, нос вздернув, к кабинету
И в грош не ставлю никого».*

И народную массу считавший чернью:» *Чернь непросвещенна и презираема мною».*

Да, такая откровенность царедворца сравнима с мужеством воина на поле битвы. Именно ее впустил в свою душу, «алого цвета зарю», Есенин.

Единственное препятствие, встреченное им на пути – смерть, возможность уничтожения, превращения в ничто. Препятствие было непреодолимым – и это упрямец Державин понимал. Хотя и негодует, возмущается вихрем, топает ногами – он не хочет мириться, он отказывается принимать смерть!

Льются, буквально низвергаются горестные сентенции, да так, что Всемирный потом кажется детской затеей:

*Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.*

И обрушивается металл булавы на наковальню души истерзанной:

*Иль нет! – тяжелый некий шар
На нежном волоске висящий...*

За три дня до смерти Гавриила Романовича Державина буквально грубой Иерихонской «прогрозил» на все миры и окраины его своим откровением, сродни Откровению Иоанна.

И облек ее в тугую непроницаемый саван загадочности, тайны. Тайны восьмистишья, печать которой еще предстоит вскрыть:

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.*

Державин хотел следовать природе, «чтоб шел природой лишь водим». Он хотел, чтобы художник изобразил его «в натуре самой грубой».

И здесь же наивно шутит:

«Не испугай жены, друзей, придай мне нежности немного».

Державин поэт дома, домашности:

*«Счастлив тот, у кого на стол
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительский хлеб и соль
Поставлены...»*

(«О домовитая ласточка»)

Это было творчество, может быть, единственного в России поэта, к которому можно применить эпитет «принципиально не интеллигент».

Державин принимал мир не в отвлеченных соображениях «разума» и «здорового смысла», а как факт. Как вещь упрямую, с которой не поспоришь и которую не изменишь.

Подчас он был недоволен жизнью, но считал, что ее нужно принимать такой, какая она есть – ведь прелести жизни так быстротечны.

Воспитанный в казарме, солдат, низших чинов офицер, спесивый царедворец, властный губернатор и амбициозный министр, он писал стих по – плебейски грубо и прямо, но писал – то языком русским! Языком, который живо дышал простодушием, свободой и независимостью.

Державин понимал свободу, как свободу от страстей и тревог. То есть так, как понимали ее эллинские мудрецы: бородатые греки и бритые римляне.

Он был предшественником Пушкина, «столпом Мелькартовым», в этом внутреннем понимании свободы;

*«Он ведает: доколе страсти
Волнуются в людских сердцах.
Нет вольности...»*

Эта державинская антиномичность была воплощена Пушкиным в «Цыганах».

У Державина свой самобытный, личный язык, слабо согласованный с общими правилами грамматики того времени. Он создает лексические обороты по своим правилам, идущим от жизни, от души и сердца.

Он не хочет поступать по – светски, говорить, как принято. Он вихрь, он ломает все условности. Его напор нет стены равной.

В этом его магнетическая прелесть, фосфоресцирующая нетленность и магия обаятельности.

Он неповторим и невоспроизводим в своем антидиалектичном примитивизме: у него все незыблемо, все просто, все упрощено, все не гибко; явления не текуче, не переходят друг в друга, не взаимопроницаемы, одноплановая наивность.

Одическому риторству своего соперника, стоявшему за его спиной Ломоносову, он противопоставлял свою «простодушную» натуру, домашность, приватность.

У Державина в срезе действительности есть что – то от священного чудака, философа и пророка.

Он и дурачится, и обучает и прорицает. Стремится «истину царям с улыбкой говорить», шутя и балагурия учить царей: *«И в шутках правду возведу»*

Державин —предвестник века «золотого» русской поэзии, разглядевший в кучерявом отроке при посещении Царскосельского лицея будущую поэтическую гениальность масштаба Вселенной.

25 июня 1815 г. они встретились впервые: 72 – летний Державин, приехавший в лицей принимать экзамен, и 15 – летний Пушкин. Здесь патриарх русской поэзии произнес пророческие слова, что русская поэзия в лице Пушкина начинает свой рост.» (*Державин нас заметил*» – Пушкин). Под словом «нас» – муза и поэт. Встреча была единственная.

В 1815 году поэта пригласили почетным гостем на публичный экзамен в Царскосельский лицей. Ни одно важное событие культуры не обходилось без присутствия «старика Державина».

Поэт был стар и дряхл. Он знал, что жить остается недолго и, никогда не страдавший от скромности, мучился оттого, что «*некому лиру передать*». Нет в России поэта, достойно продолжившего бы его дело.

Державин дремал, сидя за столом экзаменаторов и знатных гостей. И не сразу понял, откуда взялись великолепные строки стихов, звучащие в парадном зале. Кудрявый юноша читал их звонко и взволнованно.

О чем тогда подумал старый поэт? Что появился тот, кому не страшно и не совестно передать свое первенство в русской поэзии?

Что наконец – то можно спокойно оставить здешний свет?

Вот как сам кудрявый лицеист, А. С. Пушкин, вспоминал позднее этот экзамен: «*Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтобы дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую Водопад. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плюсовых сапогах. Экзамен наши очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности.*

Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной.

Наконец вызвали меня. Я прочел мои Воспоминания в Царском Селе, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом...

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал.

Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять. Меня искали, но не нашли».

Державинские бесхитрость, искренность, наивность – те самые прелести и очарования, ценности поэта, прошедшие чрез врата вечности и ставшие моральной вершиной человечества:

*«Где слава? Где великолепье?
Где ты, – о сильный человек?»*

Сегодня Гаврила Романович Державин звучит как великий поэт, переведенный на множество иностранных языков – ведь он судил о своей жизни не по урожаю, который собирал, а по тем семенам, что посеял.

Человек и поэт, образ неподдельной естественности, который так старательно выложила природа – художник.

Список использованной литературы:

1. Г. Державин. Стихотворения. 1947
2. Г. Державин. Оды. 1988
3. В. Ф. Ходасевич. Державин. 1988

Грибоедов Александр Сергеевич (1795 – 1829)

«Русский Шекспир комедии»

По свидетельству Пушкина, Грибоедов был – «*один из самых умных людей в России*» (знал все основные европейские языки – английский, французский, немецкий, итальянский, восточные – арабский и персидский; был прекрасным пианистом, сам сочинял).

Принадлежность к родовитому, но оскудевшему дворянству, кровная родственная связь со всей фамусовской стародворянской Москвой и в то же время социальное одиночество «*певца истинно – вдохновенного в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных крестьян*» (письма Грибоедова к Бегичеву), гениальное художественное дарование, выдающаяся образованность и вместе с тем всю жизнь – крайняя материальная стеснительность, «*ненавистная*» чиновничья служба «*из хлеба*» – вот в таком противоречивом социальном водовороте предстает перед нами Грибоедов.

Для полноты портрета – отдельные факты.

Дрался на дуэли в Тифлисе с будущим декабристом Якубовичем, ранившим его в руку.

Во время следствия по делу декабристов был арестован и помещен в каземат (тесно дружил с поэтом и декабристом В. К. Кюхельбекером). Существует предание, что генерал Ермолов предупредил Грибоедова об аресте и тем дал ему возможность уничтожить компрометирующие документы.

Был оговорен Г. Оболенским и Трубецким, но держался смело, все отрицал. Вскоре был освобожден с денежным вознаграждением и повышением по службе.

Назначенный полномочным послом в Персию, погиб в январе 1829 г. со всем составом русской дипломатической миссии во время нападения обезумевшей толпы.

Полное печатное издание «Горе от ума» и постановка пьесы на сцене – при жизни Грибоедов не увидел, все произошло после его смерти.

В июне 1826 года, после освобождения из – под следствия по делу декабристов Александр Грибоедов вернулся к дипломатической деятельности, ему было поручено ведать сношениями с Турцией и Персией (ныне – Иран).

Грибоедов вел мирные переговоры с наследником персидского престола, закончившиеся заключением выгодного для России Туркманчайского мирного договора. А после его подписания, Грибоедов получил от царя крупную денежную сумму и блестящее назначение полномочным послом России в Персии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.